

18+

ЮСЯ
КАРНОВА

СБОРНИК РАССКАЗОВ
ФЭНТЕЗИ И ФАНТАСТИКА

ЛЮБОВЬ, МАГИЯ

ДРУГИЕ ПРИЯТНОСТИ

ФАНТАСТИКА И РЕАЛЬНОСТЬ
СПЛЕТАЮТСЯ ВОЕДИНО.
КАЖДЫЙ РАССКАЗ -
НОВЫЙ МИР, НОВОЕ ЧУДО.

- ЛЮБОВЬ
- МАГИЯ
- ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Юся Карнова Любовь, магия и другие приятности

<https://litres.ru/74283373>

ISBN 9785007038775

Аннотация

В удивительном мире, где реальность переплетается с магией, обычные люди становятся героями невероятных историй. Здесь земляне спасают погибающую планету, проходя испытания в параллельных мирах, а одинокие сердца находят друг друга в опустевших городах.

Здесь оживают древние тайны, шепчут секреты волшебные деревья, а звёзды исполняют заветные мечты. Фантастика и реальность сплетаются воедино, превращая невозможное в реальность.

Ведь именно в тёмные времена рождаются самые яркие звёзды.

Содержание

Как Надежда спасла мир и немного влюбилась	5
Глава 1. Сон и послание	5
Глава 2. Первое испытание	14
Глава 3. Река Молчания	21
Глава 4. Священная Роща	25
Глава 5. Возвращение	29
Эра одиночества	33
Когда город засыпает...	44
Любовный экспресс	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Любовь, магия и другие приятности

Юся Карнова

Дизайнер обложки Евгения Пенькова

© Юся Карнова, 2026

© Евгения Пенькова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-3877-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как Надежда спасла мир и немного влюбилась

Глава 1. Сон и послание

2199 год. Земля задыхалась. Атмосфера окончательно истончилась, оставив лишь тончайший слой защиты — в некоторых местах он уже давал трещины и дыры, сквозь которые безжалостно било ультрафиолетовое излучение. Океаны покрылись плотным ковром токсичных водорослей, а листья на деревьях давно почернели. Почти весь мир спустился под землю: наверху было невыносимо жарко, поэтому люди гуляли здесь только ночью.

Юный учёный-биофизик Надежда Роднина работала в подземной лаборатории «Биом». Здесь, на глубине 300 метров, благодаря гигантским кондиционерам, которые работали почти круглосуточно, было немного прохладнее.

Сегодня Надя припозднилась. Все коллеги уже давно разошлись по домам, а на мониторе девушки всё ещё сменяли друг друга длиннющие формулы. Уже который месяц она пыталась смоделировать фотосинтезирующий компонент, способный восстановить отравленную среду Земли.

Глаза уже покраснели от яркого света, но Надя не спешила

заканчивать. Она чувствовала, что разгадка где-то рядом. В какой-то момент она на секунду прикрыла глаза и мгновенно провалилась в сон. Во сне она слышала странный голос.

Он сказал ей: когда мир станет невыносимым для жизни, лишь тот кто носит имя Надежды сможет его исцелить. Эти слова эхом звучали в её ушах, а перед глазами стоял могучий старый зелёный дуб. Он стоял на берегу реки — лазурной, как море и чистой, как детский смех. Но голос продолжал повторять одни и те же слова: «Когда мир станет невыносимым для жизни, лишь тот, кто носит имя Надежды сможет его исцелить» У Нади было ощущение что этим голосом с ней разговаривает само дерево. Затем оно заблестело розовым светом. Свет становился всё ярче, пронизывая сон насквозь, и....

Девушка резко проснулась. Её сердце бешено колотилось от непонятного страха и она начала оглядывать лабораторию. На первый взгляд всё было как обычно — ряды пробирок, гудящие компьютеры, тусклый свет ламп. Но что-то явно было не так. Но вот что?

Она перевела взгляд на монитор. Вместо формул там горела надпись, составленная из мерцающих символов: «ищи врата в полночь у каменного дерева». Надя протёрла глаза, всё ещё не веря написанному, но надпись не исчезла — наоборот, будто бы стала ярче. Мерцающие символы переливались всеми оттенками розового и фиолетового, словно живые. Шрифт менялся каждую секунду — то напоминал древ-

ние иероглифы, то превращался в двоичный код, то вспыхивал радужными переливами. Девушка застыла на месте. Она долго смотрела на экран, пытаясь найти логическое объяснение, но разум отказывался его выдавать.

И вдруг её пальцы сами потянулись к этим мерцающим буквам. Едва указательный палец коснулся экрана, тот вспыхнул от перегрева. Перепуганная Надя упала со стула и поползла прочь не отрывая глаз от пламени. В голове билась единственная мысль: «Пожар! Сейчас лаборатория сгорит!»

Нащупав руками огнетушитель, она рванула чеку и направила струю пены на дымящийся монитор. Помещение наполнилось едким запахом гари и шипящим звуком потухающего пламени. Когда огонь погас, Надя, дрожа, осмотрела последствия: экран почернел, клавиатура подплавилась, а воздух пропитался запахом горелой электроники.

Она засобиралась домой. На улице уже была глубокая ночь, но жара не спадала. Даже асфальт ещё не успел остыть от дневного солнца — он словно излучал накопленное за день тепло, а местами даже подплавился. И при каждом шаге подошвы слегка прилипали к тёмной, почти вязкой поверхности.

Надя шла медленно, без остановки прокручивая в голове обрывки сна и надпись на мониторе: «Ищи врата в полночь у каменного древа...»

Наконец она остановилась на светофоре, который, как казалось, только что загорелся красным. Свет отражался в лу-

жицах от недавнего полива улиц, создавая необычные алые кляксы. Надя уставилась на этот красный сигнал, мысленно проклиная сегодняшний день. Вдруг счётчик на светофоре остановился. Электричество снова замкнуло от перегрева. Красный человечек на табло словно сошёл с ума: он задёргал руками и ногами, хаотично меняя позы, будто исполнял безумный танец. Надя замерла, глядя на это зрелище. В какой-то момент ей показалось, что светофор подаёт ей негласный знак.

— А чем чёрт не шутит! — вдруг воскликнула она. — Может, это действительно мой шанс спасти человечество?

Не раздумывая больше, она развернулась и побежала в парк на окраине города. Ноги сами несли её по пустынным улицам, мимо тёмных витрин закрытых магазинов и молчаливых фонарей.

Парк был пуст. Даже птицы больше не кружились в небесах. Вдали, у уже ядовитой позеленевшей реки, стоял огромный дуб — сухой и древний, с корявыми ветвями и шершавой корой, покрытой чёрным, высохшим мхом. Надя подошла ближе, и её ладони сами потянулись к стволу. Кора оказалась прохладной, почти ледяной, будто у камня.

Дерево будто затягивало её в себя. Сначала она почувствовала лёгкое покалывание в пальцах, затем — тепло, поднимающееся по рукам, а потом всё вокруг поплыло. Мир перед глазами потемнел, а когда зрение прояснилось, Надя поняла: она оказалась в совершенно другом мире.

Она обернулась на дуб. Теперь он был усыпан резными фиолетовыми листьями, которые светились в темноте мягким, почти лунным светом. Ствол пульсировал розовым светом, словно живое сердце. А вокруг оказался лес, но не обычный — деревья здесь были причудливыми, с переливающимися стволами и листьями, напоминающими кристаллы. И воздух здесь пах чем-то сладким. То ли ванилью, то ли карамелью или мёдом с леденцами.

Вдруг из-за дуба вышел человек. Высокий, с длинными серебристыми волосами и небесно-голубыми глазами со зрачками в форме ярких звёзд. Он был одет в плащ, сотканный из мерцающих нитей, а на груди у него висел кристалл, пульсирующий тем же розовым светом, что и дуб.

— Рад, что ты нашла врата, Надежда, — сказал он, и Надежда мгновенно узнала этот голос. Именно такой голос разговаривал с ней во сне.

— Кто вы? Зачем вы меня сюда позвали?

— Моё имя Алар. Я — хранитель равновесия между мирами. Знаю: твой мир нуждается в помощи. Я не мог не услышать твоих молитв.

— Вы знаете, как восстановить атмосферу Земли?

— Не знаю, — пожал плечами Алар. — Но могу помочь отыскать то, что поможет.

— Так ведите меня! — вырвалось у Надежды.

Алар ничего не ответил. Лишь молча развернулся и пошёл куда-то вглубь мерцающего леса. Надежда провожала его

взглядом, но вдруг левая нога сама шагнула за ним, будто её потянули за невидимые нити. Девушка побежала за ним, быстро обогнала и заглянула в глаза. Зрачки Алара блеснули золотом, словно внутри них вспыхнули крошечные солнца.

— Простите, я наверное была слишком резка, — тихо сказала Надя, опустив взгляд. — Я просто... Просто очень хочу спасти свой мир.

— Это благородная цель, — мягко ответил Алар. — Но ничего в мире не бывает просто так. И мой мир — не исключение. В нём есть то, что тебе так нужно, но просто так он тебе это не отдаст.

— И что же мне делать? — шёпотом спросила девушка.

Алар снял с шеи свой кулон. Тот вспыхнул тёплым розовым светом, озарив лицо Нади мягким, тёплым сиянием. Затем свет начал угасать, оставляя лишь безжизненную серебряную оправу.

— Это кулон-генератор, — пояснил парень. — Если соединить в нём нужные элементы, он сгенерирует вещество, способное восстановить атмосферу твоего мира. Но собрать эти элементы будет непросто.

— Я готова! Только скажите какие элементы нам нужны?

— Первый — элемент из Лабиринта Забытых Истин. Это не просто камень или кристалл в привычном его понимании. Это сущность, рождённая из самых глубоких истин, которые люди когда-то знали, но забыли. Чтобы его получить, тебе придётся пройти через испытания, которые заставят тебя

взглянуть в лицо собственным страхам и сомнениям.

С каждым его словом лицо Нади становилось всё бледнее и бледнее. Она совершенно не понимала о чём он говорит и через что ей предстоит пройти, чтобы достать этот элемент.

— А второй? — спросила она, всё ещё надеясь, что второй элемент будет найти попроще.

— Капля из Реки Молчания. Но сразу предупреждаю, это не вода в привычном её обликии. Это воды тишины, в которой утонули голоса тех, кто когда-то пытался говорить правду, но был заглушён страхом или людским равнодушием.

Надя невольно сглотнула. Даже деревья вокруг притихли, прислушиваясь к их разговору.

— И как её добыть?

— Она сама упадёт в твои ладони, когда поймёт, что ты прошла испытание.

— А если не получится?

— Тогда останешься там навсегда, — просто ответил Алар. — Река не отпускает тех, кто не нашёл в себе покоя.

Девушка невольно поёжилась от страха, хотя на улице было тепло.

— Допустим. А третий?

— Сердце Леса. Оно хранит в себе первозданную силу жизни, ту самую силу, с которой началось всё живое много веков назад.

Он замолчал на пару минут, сжимая в руке цепочку от кулона. Металл слабо мерцал в полумраке. Теперь, когда па-

рень рассказал Наде, через что ей придётся пройти ради спасения своего мира, она должна была принять, возможно, самое главное решение в своей жизни: продолжить это опасное путешествие или вернуться обратно в свою лабораторию и наблюдать за тем, как её планета медленно умирает.

— Почему именно я? — тихо спросила она, не глядя на Алара. — Почему именно мне нужно пройти через всё это?

— Потому что ты — Надежда, — ответил он просто. — Не имя, а суть. Ты ищешь путь там, где другие видят только тупик. Ты веришь, когда все теряют веру.

Надя вновь замолчала. Неизвестность всегда пугала её, но был и другой страх. Он был глубже, темнее: страх не спасти свой мир, не оправдать возложенной на неё надежды и навсегда сгинуть в сыром, безмолвном подземелье вместе со всеми, кого она так любит.

Её глаза медленно изучали розоватую мерцающую траву, а мысли были где-то далеко... В любимом загородном доме матери, которого уже нет на земле. Много лет назад он вспыхнул, как спичка под палящими лучами Солнца, забрав с собой жизнь Надиной мамы. Климатические аномалии сделали погоду непредсказуемой: один день — ледяной шторм, следующий — невыносимая жара, способная расплавить асфальт. В тот день температура поднялась до 70° С. Крыша треснула и дом мгновенно загорелся. Мама не успела убежать...

Надя сглотнула, чувствуя, как к горлу подступает ком.

Она до сих пор хранила в памяти её последний взгляд — не испуганный, а полный тихой печали, словно она уже знала, что это конец. Но сейчас, стоя посреди этого волшебного, мерцающего мира, Надя поняла: это не просто путешествие. Это — долг. Перед мамой, что дала ей это старинное имя. Перед Землёй, что отчаянно нуждается в помощи. Перед самой собой...

— Хорошо, — сказала наконец Надя, поднимая взгляд.
— Я попробую. Но обещай мне одну вещь.

— Какую? — Алар внимательно посмотрел на неё.

— Если я не справлюсь... если останусь там... не бросай поиски. Найди другого, кто сможет продолжить поиски. Спасите Землю.

Алар сделал шаг ей навстречу, уверенно взял её ладонь и вложил в неё кулон. Прохлада металла мгновенно отрезвила её рассудок, заставляя вернуться в здесь и сейчас.

— Обещаю, — произнёс он почти шёпотом. — Но я верю, что ты справишься. Ты — Надежда. И пока ты веришь, мир ещё можно спасти.

Она сжала кулон в руке, ощущая, как его хладнокровие проникает в кожу, растекается по венам, наполняя её силой, которой она не знала прежде.

— Тогда пойдём, — сказала она, словно приняв какое-то важное решение внутри себя — Время не ждёт.

Они шагнули вперёд, навстречу первому испытанию.

Глава 2. Первое испытание

Путь к Лабиринту лежал через долину, где цветы светились как светлячки, а воздух был напоён ароматом неведомых трав. Алар шёл молча, иногда касаясь рукой какого-нибудь растения — и тогда оно вспыхивало ярче, словно приветствуя его.

— Почему ты помогаешь мне? — не выдержала Надя. — Ты ведь не обязан.

— Обязан, — тихо ответил Алар, не оборачиваясь. — Я хранитель. Моя задача — поддерживать равновесие. Если твой мир погибнет, это нарушит баланс всей вселенной. Но дело не только в этом... Когда-то и мой мир тоже был на грани гибели. И кто-то, как ты сейчас, нашёл в себе силы его спасти. Теперь пришла моя пора возвращать должок.

Надя хотела спросить больше, но впереди показался Лабиринт. Он вырос из земли словно живой — стены из переплетённых корней, а между ними мерцали символы, похожие на древние письмена. Парень развернулся к Наде и его глаза вновь блеснули в ночном свете.

— Помни: истина — не в словах, а в сердце, — сказал он.

Они шагнули в лабиринт. Перед ними раскинулись бесконечно длинные коридоры, уходящие в туманную даль. Стены из серого камня казались живыми — они едва заметно пульсировали, а в трещинах мерцали тонкие прожилки све-

та, словно кровеносные сосуды неведомого существа.

Чтобы хоть как-то скрасить, уже изрядно поднадоевшую, тишину, Надя начала спрашивать у Алара, почему он нашёл именно её и как связался с ней.

Не сбавляя шага, парень поведал ей историю:

— Мой кулон... В одну ночь он вдруг запульсировал, как сердце. Тёплый, почти обжигающий. Он разбудил меня. Я знал, что это знак, поэтому последовал за ним, и он привёл меня сюда, в этот лабиринт. А потом... Лабиринт заговорил со мной. Не словами, а образами. Он задал мне вопрос, один-единственный вопрос. И ответом была ты. Вернее... твоё имя. Надежда.

— Так значит, ты знаешь, куда нам идти? — с воодушевлением спросила она.

— Увы, нет, — покачал головой Алар. — Лабиринт живой. Каждую минуту он меняет свою траекторию движения. Стены сдвигаются, коридоры перестраиваются. Всё, что мы можем... — он сделал паузу, глядя ей в глаза, — вспомнить простую, но забытую истину: «Зачем мы здесь».

Надя хотела ответить, возразить, но вдруг её нога зацепилась за выступающий из пола корень и она упала на холодный пол.

В тот же миг лабиринт задышал.

Стены зашевелились. Каменные блоки медленно смещались, образуя новые проходы и закрывая старые. Надя подняла голову — и внутри что-то оборвалось: одна из стен по-

глощала Алара. Толстые синие лианы обвивали всё его тело, не давая даже пошевелиться. А листья плотно закрыли рот и глаза. Его фигура исчезала в камне, словно растворяясь в нём.

— Нет! — закричала она, вскакивая на ноги.

Она бросилась к стене, но было уже слишком поздно. Алар исчез в глубинах Лабиринта. В отчаянии девушка со всей силы ударила по стене кулаком. Удар отозвался эхом по всему лабиринту, а поверхность под её рукой запульсировала, словно кожа огромного зверя. На камне появилась расплывчатая надпись — светящиеся символы складывались в слова:

«Дорога вьётся, в ней твой путь, но только в сердце живёт суть. Что это?».

Надю словно поразила молния. Она замерла, не в силах пошевелиться. Слова звучали в голове, проникая в самое сознание. А может быть даже и в подсознание.

— Надежда... — прошептала она, и в тот же миг надпись исчезла, превратившись в стрелку, указывающую вглубь лабиринта.

Девушка сделала шаг вперёд — и тут же заметила, что подобные стрелки появились повсюду. Они мерцали на стенах, на полу, даже на потолке — как будто сам лабиринт решил указать ей путь.

И она шла. Просто шла.

С каждым шагом коридоры менялись: где-то стены сужа-

лись, почти смыкаясь над головой; в других местах — расширялись, открывая вид на бездонные пропасти, что были под лабиринтом. Но стрелки вели её вперёд, не позволяя свернуть или остановиться.

Вскоре она дошла до конечной точки — ледяной двери.

Та была огромной, высотой в три человеческих роста, и покрыта инеем, который переливался всеми оттенками синего и фиолетового. Дверь была усыпана замками — десятками, если не сотнями и каждый был уникален: один — серебряный, с гравировкой в виде звёзд; другой — золотой, украшенный завитками из листьев; третий — чёрный, с острыми шипами, от которых исходило едва заметное свечение.

Девушка долго колебалась, переводя взгляд с одного замка на другой. Наконец она протянула руку и коснулась чёрного замка с шипами.

Острый шип мгновенно уколол её палец. Надя вскрикнула от боли и машинально одёрнула руку. На пол упала яркая капелька крови — и в тот же миг весь лабиринт ожил, наполняясь туманом.

Надя застыла, глядя на алую каплю, медленно растекающуюся по ледяному полу. А капля вспыхнула ярче, рассыпавшись миллиардами искр, будто внутри неё взорвалась крошечная звезда. Знак на полу развернулся, словно живой цветок из света и тени: лепестки-лучи медленно расходились в стороны, пульсируя в такт невидимому сердцу лабиринта.

Ледяная дверь затрещала, покрываясь причудливым узо-

ром изморози. Трещины расползлись по её поверхности, словно паутина, а затем с глухим, протяжным грохотом она раскололась на десятки осколков. Они падали на пол, рассыпаясь хрустальным звоном.

— Что я наделала?.. — прошептала Надя, отступая на шаг.

— Это не случайность, — вдруг раздался нечеловеческий, почти загробный голос.

— Кто вы? Чего вы хотите? — заистерила девушка, не выдержав накала страстей.

Туман сгустился, формируясь в лицо — не человеческое, но разумное, похожее на лису или песка, сотканное из теней и звёздного света. Черты его проступали всё отчётливее, глаза светились холодным серебром, а вокруг головы мерцал едва уловимый ореол, напоминающий северное сияние.

— Я — Лабиринт Забытых Истин. Скажи мне, зачем ты сюда пришла.

Надя смотрела прямо на это туманное существо. Оно устрашало, но не вызывало неприязни, наоборот, создавало ни с чем несравнимое ощущение уверенности, даже в каком-то смысле могущества.

— Я здесь, потому что я Надежда. Последняя надежда своего мира. Но сейчас я хочу вернуть того, кто поверил в меня первым.

Существо расплылось в улыбке. Чёрные шипы, что обрамляли его черты, начали таять, превращаясь в капли ртути.

Они стекали вниз, словно слёзы и с тихим шипением исчезали в тумане.

— Хорошо, — прошелестел голос. — Будь по-твоему.

Вдруг Надя заметила, что капли ртути полностью поглотили всё это загадочное лицо и этот неведомый зверь закрыл глаза. Тогда, в крошечной темноте, девушка слышала звук, звук бьющегося сердца. Оно светилось золотыми прожилками впереди. Она побежала к нему. Звук становился всё оглушительнее и наконец Надя оказалась так близко к этому светящемуся сердцу, что смогла разглядеть его в мельчайших подробностях. Оно было величиной с её кулак, прозрачное, как хрусталь, но внутри него лилась золотая кровь.

Она обхватила сердце ладонями. Кожей она чувствовала тёплый ритм этого сердца и на секунду его свечение стало таким ярким, что она зажмурила глаза.

Когда она открыла глаза, то стояла на коленях посреди пустой поляны. Под ней расстилалась розовая блестящая трава — мягкая, словно шёлк и прохладная, как морской бриз.

— Надя, ты смогла его достать! — воскликнул Алар и ринулся обнимать её.

Девушка вздрогнула от неожиданности. Она была так напугана, что не сразу поняла, как он здесь оказался, его же захватил Лабиринт.

Тогда она разжала кулак. На её ладони лежал золотой кусочек того живого, горячего сердца, что билось внутри Лабиринта. Он всё ещё пульсировал в том же ритме, отбрасы-

вая блики на её кожу.

Алар осторожно взял артефакт и бережно вложил в кулон. Как только сердце коснулось металла, кулон мигнул и фрагмент намертво встроился в серебряную оправу.

— Один элемент есть, — сказал он. — Осталось ещё два. Пойдём, пока не стало слишком поздно.

Надя кивнула, поднимаясь на ноги. Она огляделась: поляна, на которой они стояли, была окружена высокими деревьями с серебристой листвой. Их ветви переплетались, образуя свод, сквозь который пробивались лучи рассвета — или, быть может, заката? Время здесь теряло смысл.

— Куда теперь? — спросила она, сжимая кулон в руке.

— К Реке Молчания.

Глава 3. Река Молчания

Путь к реке лежал через Долину Шепотов — место, где ветер шептал на ушко обрывки забытых фраз. Надя шла, а вокруг неё кружились слова:

«Ты не справишься...»

«Это бессмысленно...»

«Твой мир обречён...»

Она закрыла уши, но слова проникали даже сквозь ладони.

— Не слушай, — тихо сказал Алар, идущий рядом. — Это не твои мысли. Это эхо чужих сомнений. Они не твои, пока ты не пустила их в сердце.

Когда они вышли к реке, Надя замерла. Вода была чёрной, как обсидиан, но в её глубине мерцали серебристые искры — словно звёзды, утонувшие в этой чёрной бездне. Ни звука, ни волны — абсолютная тишина.

— Помни: как только войдёшь в её воды, ты лишишься голоса, — предупредил Алар. — Говорить будешь не словами, а сердцем.

Надя сделала шаг в воду.

Холод пронзил её мгновенно — но это был не физический холод, а нечто глубже, пронзительнее. Это была тишина, облачённая в лёд. Она проникала под кожу, сковывала мышцы, замораживала дыхание. Девушка попыталась произне-

сти имя Алара, но не смогла. Губы словно склеились между собой, мысли стали беззвучными, а мир вокруг превратился в немую картину. Даже деревья застыли в безмолвии, словно кто-то невидимый нажал на «паузу».

Надя шла в этом безмолвии и пыталась сосредоточиться на своей цели, но тишина оглушала. Она проникала в уши, ноздри, заливала едким холодом лёгкие... Вскоре вода полностью поглотила девушку, но она упрямо шла вперёд, не чувствуя озябших ног. На ощупь, слушая лишь своё сердце. Наконец под ногами её что-то блеснуло. На дне реки лежал кристалл — чёрный, как сама вода, но внутри него пульсировал серебристый свет. Он напоминал застывшую молнию, заключённую в тёмную стеклянную оправу. Надя протянула руку. Она коснулась его гладкой поверхности и тишина вдруг стала шумом. Шумом в котором сплелись все отчаянные песни мира: плач матери над потерянным ребёнком; шёпот влюблённых, говорящих «навсегда», но знающих, что это ложь; крики бойцов, бросающихся в последний бой; стоны земли, уставшей от вечных пожаров и взрывов.

Они впивались в её кожу, словно пиявки, пытаясь прорваться к сердцу, и разорвать его на части. Надя закричала — но звука не было. Она стояла в эпицентре бури, которую никто, кроме неё, не мог услышать.

«Это голоса тех, кто пытался говорить правду», — вспомнила она слова Алара.

Она сжала кристалл в ладони. Он был холодным, словно

жизни в нём никогда не было. Её охватил дикий страх, что она ошиблась и этот кристалл вовсе не то, за чем она пришла сюда. Что всё напрасно — и её жертвы, и надежда всего мира. В этот момент тьма уже готова была поглотить её, но вдруг по щекам побежали слёзы. Горячие и солёные, они обжигали замёрзшие щёки, размывая границы реальности.

Очнулась Надя уже на берегу.

Она лежала на бирюзовом тёплом песочке, который мягко обволакивал её тело, словно пуховая перина. Над головой тихонько шелестели хрустальные листья, издавая тихий звон, будто крошечные колокольчики. Этот звук успокаивал и одновременно возвращал к реальности.

— Ты как? — ласково спросил её Алар, убирая прядь волос, что выбилась из её косички.

— Я выжила? — тихо спросила она, всё ещё не веря, что этот кошмар закончился.

— Да, ты прошла испытание. Ты слышала их. И смогла разделить их боль, а значит — не разучилась чувствовать.

— Но кристалл... Он же остался на дне...

Алар улыбнулся и с гордостью поднял руку к небу. В его пальцах засиял кулон-генератор. Внутри которого сверкали уже два элемента: золотой кусочек сердца Лабиринта, и новый, чёрный кристалл с пульсирующим серебристым светом.

Надя протянула дрожащую от холода руку и взяла кулон. Металл был тёплым, почти живым, и при прикосновении он заиграл новыми красками, переливаясь в лучах солнца, и,

посылая на песок солнечных зайчиков. Они танцевали, складываясь в яркие узоры, от которых у девушки появлялась улыбка на лице.

— Получается, у нас остался последний элемент? — робко спросила Надя, не отрывая взгляда от кулона.

— Да. Сердце Леса, — ответил Алар, но его голос стал серьёзнее. — И нам нужно спешить. Время не ждёт.

Он помог ей подняться. Надя чувствовала, как силы медленно возвращаются — не полностью, но вполне достаточно, чтобы стоять на ногах.

Глава 4. Священная Роща

Дорога к Роще заняла три дня. Они шли через долины, где трава светилась бирюзовым, и переправлялись через ручьи, вода в которых переливалась всеми цветами радуги, словно сошла с небес. С каждым метром воздух становился живее, насыщеннее — будто сама природа дышала вокруг них.

На закате третьего дня они вышли на опушку.

Перед ними стоял лес, но это был не просто хаотичный набор деревьев. Его стволы были прозрачны, словно из хрусталя, а внутри них текли потоки света — золотые, изумрудные, лазурные, розовые. Листья шелестели, но звук этот не был шумом ветра — это была песня, убаюкивающая, словно Мамина колыбельная.

— Это и есть Священная Роща, — прошептал Алар. — Здесь каждое дерево — живое существо, хранящее память мира.

— Как нам найти Сердце Леса? — спросила Надя.

— Тебя к нему приведёт твоё собственное, — ответил он.

Как только Надя ступила под кроны, земля зашевелилась. Из-под земли появились светящиеся корни, сплетаясь в сложный узор. Они двигались в ритме, который Надя не могла услышать, но её тело вдруг само откликнулось — она шагнула влево, затем вправо, подстраиваясь под невидимую мелодию.

Иногда корни обвивали её лодыжки, но не сковывали крепко — они учили. Она поняла: это не препятствие, а та-нец. И тогда она закрыла глаза и позволила телу двигаться так, как подсказывало сердце.

Вскоре корни расступились, открывая путь вглубь рощи. Последние солнечные лучи пробивались сквозь кроны, создавая на траве тысячи солнечных зайчиков. В центре рощи стояло дерево с листьями, похожими на зеркала. Они отражали окружающий мир — но не точно, а искажённо, будто показывали возможные ветки реальности. Девушка остановилась у него, но Алар потянул её дальше.

— Это лишь иллюзии. Настоящее Сердце Леса впереди.

Их путь лежал к древнему дубу, чьи ветви касались облаков. На его стволе мерцали древние руны, а у основания пульсировал шар света — не яркий, а приглушённый, словно бьющееся сердце. Он излучал тепло, от которого по коже пробегали мурашки.

— Вот оно, — сказал Алар, оставаясь на расстоянии. — Теперь ты должна сразиться за последний элемент.

Эти слова прозвучали словно гром среди ясного неба. Наде совершенно не хотелось сражаться — да и она и не умела. Вместо этого она опустилась на колени перед дубом. Её ладони коснулись тёплой земли — такой живой, что казалось, она дышит под пальцами, и прошептала:

— Прости, Алар, но я не буду сражаться. Я не воин и не супергерой. Я обычная девушка и я жутко устала.

По её щекам вновь покатались слёзы, которые она даже не пыталась сдержать. Они капали на землю, на траву, на корни того самого дуба...

— Я думала, что смогу помочь своему миру... Людям, что устали прятаться в подвалах от жары. Животным, что на грани вымирания... Но я не могу... Не могу больше сражаться... Не могу...

— Надя, смотри! — вдруг перебил её парень.

Девушка подняла глаза. Кружась на ветру ей прямо в руки летел розовый лист. Его прожилки переливались золотом, а края светились, как будто внутри него пульсировала жизнь. Лист летел прямо к ней, будто сам выбрал её.

Надя машинально протянула руку. В тот же миг кулон-генератор на её шее завибрировал. Она сняла его с шеи, положила на ладонь — и лист медленно приземлился точно на него, заполняя собой недостающий кусочек.

И тогда произошло чудо.

Кулон ослепительно засиял. Свет был согревающим, как рассветные лучи Солнца. Он разливался волнами, окутывая Надю, Алара, весь дуб, всю эту рощу. В этом свете деревья зашелестели, словно аплодируя, а земля под ногами слегка дрогнула.

Надя смотрела на кулон, не веря своим глазам. Он больше не был просто артефактом — он стал живым. Его свет пульсировал в глубине металла, и горел тот самый огонь, который она видела в кристалле Реки Молчания и в сердце Ла-

биринта.

— Надя, ты сделала это! У тебя получилось! — забегал вокруг неё Алар.

— Не у меня, а у нас, — поправила она, глядя ему в глаза.
— У нас получилось... Без тебя я бы не справилась.

Она улыбнулась и обняла его.

— А теперь, тебе пора возвращаться обратно, — шепнул парень. — Нужно спасти Землю.

— А как же ты? Ты разве не пойдёшь со мной?

— Я бы очень этого хотел, но не могу. Правда, не могу... Если я покину этот мир, нарушится равновесие. Где-то случится беда — возможно, ещё страшнее той, что грозит твоей планете.

Он прижал её к себе и поцеловал в макушку. А дуб запульсировал, как тогда, когда Надя впервые попала в этот мир. Его ветви шелестели, а корни слегка приподнялись, образуя мерцающий портал. Она поцеловала Алара на прощанье — коротко, но по-настоящему и коснулась мерцающего ствола. Свет вспыхнул ярче прежнего, на миг поглотив её целиком.

Глава 5. Возвращение

Когда свечение угасло, Надя огляделась. Никакого волшебного леса с его хрустальными деревьями и сияющей розовой травой, ни пульсирующего дуба, ни Алара... Вместо этого — унылый пейзаж почти испепелённой земли. Выжженная трава рассыпалась в пыль прямо под ногами, а воздух казался тяжёлым, словно пропитанным пеплом.

Девушка вдруг вспомнила про кулон. Она коснулась груди, но вместо него на цепочке была пробирка — небольшая, из прозрачного стекла, наполненная мерцающей розовой жидкостью, словно расплавленная волшебная трава из того далёкого, нереального мира. На ней — аккуратная этикетка с рукописным текстом: «Влить по капле в океаны, поля и леса. Остатки отправить в небо».

Надя осторожно сняла пробирку с цепочки и открутила крышку. В нос тут же проник аромат тех самых лугов, розовой травы и хрустальной свежести деревьев из волшебного мира. Аромат волшебства, жизни и возрождения.

Одна мерцающая капелька упала на землю. И тут же произошло чудо: сухая трава приподнялась, словно пробуждаясь от долгого сна; её цвет изменился — из пепельно-серого стал изумрудно-зелёным и вокруг капли распустились крошечные цветы, похожие на маленькие звёзды, а воздух наполнился давно забытой свежестью, будто недавно прошёл

пробуждающий весенний дождь.

Надя улыбалась.

— Пора, — прошептала она. — Пора наконец спасти наш мир.

Она побежала в лабораторию. Путь лежал через тёмную, но уже привычную подземку. Стены были покрыты трещинами, что освещали редкие лампы, а местами виднелись следы копоты. Но Надя не обращала внимания — её мысли были только о веществе из пробирки, о том, как правильно распределить её содержимое.

Наконец показались очертания родной лаборатории. Над железной дверью ярко мигала сигнализация — красный огонёк давил на глаза, словно предупреждая: «Осторожно. Смертельно опасно». Девушка ввела код, дверь открылась, и она вошла внутрь.

Странно, но её некогда сгоревший монитор компьютера выглядел как новый. Клавиатура — без единого следа от бывшего пожара. Лабораторные столы стояли в идеальном порядке, колбы и пробирки блестели от чистоты.

— Что за... — прошептала Надя, проводя рукой по поверхности монитора. — Это же невозможно...

Она подошла к своему рабочему месту, достала пробирку и осторожно поместила волшебную каплю под объектив микроскопа. Включила подсветку, настроила фокус. В окуляре было настоящее розовое звёздное небо — мельчайшие частицы розовой жидкости переливались, словно живые, об-

разую мерцающие созвездия. Надя начала записывать наблюдения, пытаясь понять структуру вещества, его свойства, способы доставки в атмосферу.

Она погрузилась в работу, забывая обо всём: о голоде, усталости, о мире за пределами лаборатории. Экран мерцал, цифры и формулы сливались в единую картину, но ответа всё не было. Как доставить это вещество в небо? Как охватить им всю планету?

Часы текли незаметно. Веки стали невыносимо тяжёлыми. Мысли путались. Она откинулась на спинку кресла, закрыла глаза — и мгновенно провалилась в сон.

Разбудила её крепкая рука профессора Зинина.

— Опять ночуешь на работе, Надежда? — строго спросил он, глядя на неё сквозь толстую оправу очков.

Он всегда осуждал её ночные исследования, считая, что она «жертвует собой» ради науки.

— Простите, Михаил Андреевич, — зевая, отозвалась она. — Такого больше не повторится.

— Конечно, не повторится. Ты же молодость всю в лаборатории оставишь... Ладно, не буду тебе нотаций читать. Твоя жизнь. Познакомься лучше с нашим новым младшим научным сотрудником.

Надя оглянулась на дверь. Там стоял высокий светловолосый парень с нежно-голубыми глазами и невероятной улыбкой. Надя сразу узнала в нём своего знакомого из того волшебного мира, в котором побывала этой ночью. Но здесь он

выглядел иначе: в строгом лабораторном халате, с блокнотом в руках, словно обычный учёный, а не пришелец из фантастического мира.

Она заглянула в его глаза — и его зрачки на секунду приобрели форму звёзд, будто приоткрывая завесу тайны над его истинной сущностью. Но уже в следующий миг они вновь превратились в обычные чёрные кружочки.

Эра одиночества

Сегодня небо было серым — не тускло-серым, как перед дождём, а беспощадно серым, будто кто-то выпил через трубочку из него все краски, оставив лишь этот ужасный серый оттенок. Город был тихий. И не просто тихий, а по-настоящему пустой, словно здесь никто никогда не жил.

Марк шёл по центральной улице и не верил своим глазам. Ещё пару месяцев назад здесь было не протолкнуться: сотни людей мелькали на тротуарах, а дороги были усыпаны шумными машинами. Из магазинов и кафе звучала музыка — разная: от модного дип-хауса до классики и рекламы носков... И всё это вдруг сменилось бесконечной тишиной. Витрины опустели, скамейки покрылись слоем пыли, а некогда цветущие яркими петуниями и бархатцами клумбы поросли травой и сорняками. Даже голуби, которые раньше толпились в поисках хлебных крошек, исчезли.

Парень остановился у кинотеатра. На двери висел замок и табличка «закрыто». А вот и афиша. Прошлогодний блокбастер, покрытый пылью, сквозь которую едва можно было разглядеть лица актёров или название. Марк протёр афишу рукавом и тут же зачихал.

— Исчезнувшие. Начало, — прочитал он.

Как же это было похоже на его реальную жизнь! Всё началось с радио. Оно замолчало первым. Сначала пропала од-

на радиостанция, потом вторая, затем третья... А потом эти приёмники стали никому не нужными игрушками.

Затем пропал интернет — просто в один миг, будто кто-то щёлкнул выключателем.

Потом замолчали телефоны: просто перестали звонить. А затем и сеть пропала.

После начали пропадать люди — как-то незаметно. Первым делом пропали те, кто был далеко: знакомые из других городов, дальние родственники, затем соседи, а потом и друзья... В конце концов Марк осознал, что остался в этом огромном городе совершенно один.

Вначале он пытался искать. Приходил в больницы, на вокзалы, в школы и университеты. Но всё было бесполезно. Коридоры были пусты, лишь кое-где лежали одинокие забытые вещи и остывшие бумажные стаканчики с кофе.

— Если это начало, то что же будет дальше? — спросил он сам у себя, но, увы, ответа он не знал.

Он завернул за угол. Здесь когда-то работала любимая им кофейня. Юная бариста Лиза всегда была так улыбчива! Каждому клиенту она рисовала на стаканчиках солнышко, смайлик или сердечко и желала «хорошего дня». Эх, наивные девчонки...

Марк сел за столик. На нём стоял одинокий бумажный стаканчик жёлтого цвета с нарисованным красным маркером солнышком. Подул ветер, поднимая вверх пыль, и стаканчик сначала упал на стол, разлив остатки кофе, а затем грохнул-

ся на землю. Парень наклонился, чтобы поднять его, — и вдруг увидел чьи-то ноги вдалеке. Он резко выпрямился и протёр глаза. Нет, ему не показалось: вдалеке действительно шла девушка — в коричневом худи с капюшоном, накинутым на голову, и голубых джинсах, испачканных у щиколоток в серой пыли.

Марк побежал к ней. Он уже, наверное, разучился бегать: ноги казались ватными, а воздуха катастрофически не хватало, — но всё же догнал её и коснулся её плеча.

— Эй, стой! Ты настоящая?

Она обернулась. Её большие светло-голубые глаза прикрывала густая чёрная чёлка, а кожа и губы были настолько бледными, словно она — ходячий мертвец. В этом пустынном городе она казалась почти прозрачной — будто ещё немного, и она растворится, как оазис в пустыне.

— Я... да, — так тихо сказала она, будто уже забыла, как разговаривать. — А ты?

— И я настоящий. Меня Марк зовут. А тебя?

— Соня.

— Ты здесь одна?

Она лишь кивнула в ответ. В каких-то её движениях — или, может быть, в мимике — Марк прочёл её страх. Может, она боялась его, а может, кого-то другого, но он должен был это выяснить. Правда, не знал зачем — но должен был.

— Ты чего-то боишься? Или, может, от кого-то прячешься?

— Нет. Просто я гуляю здесь чуть ли не каждый день, но ни разу так никого и не встретила... А тут ты.

— Странно, согласен.

— А ты точно настоящий?

— Ну хочешь, ущипни меня, — рассмеялся парень, протягивая ей руку. — Ну давай!

— Да ну тебя, — отмахнулась Соня, так ни разу не улыбнувшись. — Ты давно здесь один?

— Примерно пару месяцев. А ты?

— Чуть больше трёх недель. Я с парнем поссорилась. Он так сильно на меня кричал из-за какой-то дурацкой компьютерной игры, что я сказала, что никогда больше не хочу его видеть. С тех пор он исчез. А потом я пошла в универ, но он был пуст. Ни преподавателей, ни студентов... Будто бы все вымерли, как динозавры. А ты как здесь оказался?

— Да я всегда здесь жил. С самого детства. В школе учился — в 102-й. Потом в универ поступил. На филолога...

— Ты не понял, — оборвала его Соня, явно не желая слушать чужую биографию. — Я имею в виду: с чего у тебя всё это началось? Ты тоже пожелал кого-то не видеть?

Парень задумался. Он пытался вспомнить хотя бы последние несколько дней своей прошлой жизни — жизни до этого апокалипсиса, — но, увы, ничего не смог вспомнить.

— Да вроде не было ничего такого... Стоп! Ты думаешь, мы сами стёрли людей из города?

— Не исключаяю, — вздохнула она. — Только вот что нам

теперь делать со всем этим?

На её глазах блеснули слёзы, но не скатились по щекам, а просто замерли где-то в глубине, как капли дождя на стекле.

— Давай так: я ещё раз всё обдумаю, может, что и вспомню. И встретимся с тобой завтра здесь же — и вместе подумаем, что нам делать. Договорились?

— Хорошо.

Домой Марк шёл уже совершенно в другом настроении. Его не покидали мысли о Соне и её словах. Зачем они встретились? Как она пришла к своим выводам? И права ли в них?

Честно, весь вечер он пытался вспомнить свою жизнь. Только на этот раз не те жалкие несколько дней до этой необъяснимой череды исчезновений, а гораздо раньше.

Он вспомнил, как поссорился с соседским мальчишкой из-за плюшевого медведя, которого они нашли на улице. Каждый так хотел заполучить этого несчастного медведя, что тянул игрушку на себя — и в итоге они оторвали ему лапу. И бедный медведь остался лежать никому не нужный в луже, только уже без одной лапы.

Затем Марк вспомнил, как в школе подрался с одноклассником из-за права сидеть за одной партой с самой красивой девочкой в классе. Надавали друг другу тумаков, конечно, знатно. Но неужели из-за таких мелочей мог исчезнуть целый город? Или Соня всё же построила неверную логическую цепочку, и это никак не связано с тем апокалипсисом, что вдруг свалился на их головы?

Затем Марк вспомнил, как в школе подрался с одноклассником из-за права сидеть за одной партой с самой красивой девочкой в классе. Надавали друг другу тумачков, конечно, знатно. Но неужели из-за таких мелочей мог исчезнуть целый город? Или Соня всё же построила неверную логическую цепочку, и это никак не связано с тем апокалипсисом, что вдруг свалился на их головы?

Эти мысли терзали Марка всю ночь. Наконец он встал с кровати и отправился на кухню жарить яичницу на завтрак. Он делал это ежедневно уже много лет подряд, но сегодня вдруг что-то пошло не так. Яйца впервые пригорели, а вместо сахара он умудрился добавить в кофе соль. И не щепотку, а целую ложку. Да ещё со стогом!

— Да что происходит?! — закричал он, выплёвывая противный напиток.

Вскоре он вышел из квартиры. Хоть где-то всё было по-прежнему: обшарпанный подъезд, пустынный город и ветер, что перекачивал брошенные кем-то давным-давно фантики с одного места на другое.

Парень быстро дошёл до кофейни. Сони ещё не было, поэтому он зашёл внутрь. У кассы стоял уже засохший букет настоящей горной лаванды. Раньше он благоухал на всю кофейню, а сейчас стоял в паутине, словно мумия. Парень коснулся кончиком пальцев одного цветочка — и весь букет рассыпался, как новогодняя ёлка после праздников. Кофемашина уже успела заржаветь, кофейные зёрна утратили свой бы-

лой аромат, а сладости на витрине покрылись плесенью. От этого зрелища к горлу подступал противный привкус тошноты.

Марк вышел на летнюю веранду отдышаться и сел ждать Соню. «Как же уныл город без людей, — подумал он. — А это серое небо уже осточертело! Ну хоть бы раз выглянуло солнышко. Или дождь пошёл. Ну хоть что-нибудь... А не эта бесконечная серость, высасывающая силы».

Он так увлёкся своими мыслями, что не заметил прихода Сони. Она появилась словно из ниоткуда — с бумажным пакетом в руках.

— Я тут круассанов испекла, — по-обычаю тихо сказала она, доставая из пакета свежую выпечку и термос с горячим чаем. — Угощайся.

— Спасибо.

Парень машинально откусил один круассан и мгновенно перенёсся в прошлое. Точно такие же круассаны он обычно покупал с друзьями в этой самой кофейне — такие же хрустящие, с в меру сладкой ванильной начинкой. Её было ровно столько, сколько нужно: не много и не мало. Их идеально дополняла лимонная кислинка чёрного чая. Марк вдруг услышал смех друзей и кожей ощутил тепло солнечных лучей.

Они быстро умяли все шесть круассанов и отправились гулять по пустынному городу. Пройдя по главным улицам и вдоволь насмотревшись на закрытые витрины, они сверну-

ли на набережную. Здесь, в озере рядом с фонтаном, раньше плавали белые лебеди — такие грациозные, словно сошедшие с известных картин. Но сейчас, увы, даже озеро опустело.

— Именно здесь, катаясь со школьными друзьями на роликах прошлым летом, я и познакомилась с Матвеем, моим уже бывшим парнем, — поделилась Соня.

Марк остановился и посмотрел на неё. В её лице что-то изменилось. Но вот что? Глаза? Они стали чуть светлее, будто в них появился отблеск чего-то нового. Выражение лица? Более спокойное, менее напряжённое. Или, может быть, цвет кожи? Он уже не казался таким мертвенно-бледным, как раньше. Но что-то явно изменилось.

— Скажи, только честно, ты всё ещё скучаешь по нему? — осторожно спросил Марк.

— Нет, переболела уже, — отмахнулась она. — А вот по людям очень скучаю. Как бы вернуть их назад...

— Мы обязательно найдём способ это сделать, — твёрдо сказал Марк. — Обещаю тебе.

Вскоре они разошлись каждый по своим домам. Как только Марк зашёл в свой подъезд, он учуял неповторимый аромат жареной картошки. Такой манящий — с жареным луком, зеленью и чёрным перцем. Желудок сразу среагировал противным урчанием. Теперь все его мысли были только о жареной картошке. Этот запах явно исходил от одной из дверей. Парень безошибочно определил, из какой. Он прижался

к двери, без остановки сглатывая слюни. Но за дверью было тихо — слишком тихо. Ни шагов, ни звона посуды, ни голоса — только этот умопомрачительный запах.

Наконец, решив, что ему показалось, он вернулся в свою квартиру, нажарил картошки и завалился спать.

На утро он вновь заметил странности в подъезде. У самой двери стоял детский велосипед. Парень провёл рукой по рулю. Велосипед был настоящим — зелёный, с ярко-оранжевыми катафотами, которые переливались в свете лампы.

Марк рассказал об этом Соне, но девушка не заметила у себя никаких изменений. Ни единого намёка на возвращение хотя бы одного человека в город.

Они начали видаться чуть ли не каждый день. С завидным постоянством Соня приносила пирожки, пирожные и пончики на их встречи. Оказывается, она была студенткой кулинарного университета, и единственным способом отвлечься от мыслей о всепоглощающем одиночестве была готовка.

Однажды Марк так обрадовался очередному её кулинарному шедевру, что не сдержался и поцеловал её — прямо в губы. По-взрослому, страстно. Она сначала слегка покраснела, а потом он впервые увидел улыбку на её лице. А он и не знал, что у неё есть ямочки на щеках и милая щербинка между зубами.

С тех пор они стали парой. Гуляли по городу, держась за руки, разговаривали часами о прошлом и строили планы на будущее — пусть даже оно казалось туманным. В какой-то

момент Марк вдруг поднял лицо к небу: оно уже было не таким серым, а приобрело какой-то едва заметный голубоватый оттенок, а в отдельных местах словно светилось изнутри. Будто солнце всё-таки пытается пробиться сквозь эту бесконечную серость.

Спустя несколько месяцев Марк решился пригласить Соню к себе в гости. Они смотрели фильмы на старом дедушкином кассетнике. Слава богу, электричество ещё было. Да и кассет от дедушки досталось много. Парень достал пыльную картонную коробку и вслух зачитывал названия — по остаткам букв на наклейках, которые когда-то клеил дедушка.

Они так увлеклись старыми, но такими добрыми фильмами, что Соня незаметно уснула. Марк не стал её будить — просто укрыл пледом и лёг рядом.

На утро он встал раньше и подошёл к окну. Раздвинув шторы, он обомлел: зелёный двор был просто залит ярким солнечным светом и детским смехом. Десятки маленьких человечков играли на площадке. По тротуару неторопливо прогуливались мамочки с колясками, а им навстречу шёл пожилой мужчина с маленькой звонкой собачкой. На клумбах расцвели пышные розы, а небо было лазурно-голубого цвета, без единого облачка.

— Это что, рай? — не веря своим глазам, спросил парень.

— Это конец эры одиночества, — шепнула ему на ушко Соня, обнимая за плечи.

Теперь он понял: они сами когда-то лишили этот мир яр-

ких красок, выбрав путь одиночества. Но сейчас, когда они полюбили друг друга, мир постепенно оживал — не по взмаху волшебной палочки и не по щелчку пальцев, а медленно, шаг за шагом, возвращая вкус к жизни.

Когда город засыпает...

Сегодня Наташа проснулась ровно в 8 утра. Хотя она и планировала проспать до обеда, любопытство взяло верх. Ведь она ждала этот день почти полгода! Сегодня же августовский звездопад! Она, как будущая студентка факультета фотоискусства и веб-дизайна, просто не могла этого пропустить. Последний месяц она спала и видела, как её портфолио украшают эти завораживающие кадры падающих звёзд — сразу по несколько штук. И восхищённые лица прохожих, что загадывают своё самое заветное желание на одну из этих падающих звёзд.

Наташа встала, дошла до шкафа. Достала новенькие линзы, что ей подарили на недавнее день рождения, — дорожные, ещё в заводской плёнке. Она берегла их для этого звездопада. Смахнула пылинки с коробки и спустилась завтракать. На всю кухню стоял запах закипающего молока и овсянки. Да, ничего не менялось уже лет десять — и на завтрак вновь была овсянка. Папа сидел за столом с ноутбуком и чашкой кофе.

— Уже работаешь? — улыбнулась Наташа.

— Без этого никак, — отозвался папа, не отрываясь от экрана. — Кто-то же должен оплачивать твои «хотелки».

— Не успел проснуться, а уже одна работа на уме... — буркнула мама себе под нос.

Девочка проглотила уже успевшую надоесть овсянку, схватила со стола яблоко и убежала в свою комнату. Грызя кисловатый фрукт, она просматривала статьи в интернете о том, как лучше настроить фокус, какой угол взять... Так пролетело полдня. Потом соседские ребята позвали её гулять. И вот наступил долгожданный вечер.

Наташа собирала рюкзак для своей «ночной экспедиции за звёздами»: фотоаппарат, линзы, тёплый свитер, пару бутербродов с колбасой на случай, если проголодается. Вроде ничего не забыла... Едва стукнуло 22:00, она вышла из дома.

Путь её лежал в парк на окраине города. Именно там, среди деревьев, можно было поймать самые шикарные кадры. На улице уже окончательно стемнело, когда Наташа дошла до парка. Она шла по мощёным дорожкам, периодически задирая голову: а вдруг звездопад уже начался?

И вот первая звезда упала с неба. Девочка достала камеру. Быстро настроив её, она начала делать снимки. Звёзды действительно начали падать одна за другой. Наташа только и успевала нажимать на кнопку. Она медленно продвигалась вглубь парка, как вдруг увидела статую. В центре журчащего фонтана стояла полуобнажённая женщина с кувшином в руках. Её босые ноги омывала вода, на которой бликовали звёзды. В голове девочки тут же родилась идея новой фотографии на фоне этого фонтана.

Едва она сделала первый снимок, как на небе что-то вспыхнуло. Это была луна — полная, серебристая и такая

притягательная. Наташа сфотографировала её и вернулась к фонтану, но статуя на фонтане вдруг моргнула, словно живая. Затем её кожа стала менять оттенок: цвет камня постепенно стал напоминать человеческую кожу, и женщина ожила. Она осторожно поставила кувшин на землю, сошла с пьедестала и воскликнула:

— Ну наконец-то! Как долго я ждала этого момента!

Наташа замерла с камерой в руках. Язык будто прилип к нёбу, не позволяя произнести ни слова. Но неожиданно над её головой пролетел белый орёл. Хотя в этом городе никогда не было орлов, тем более белых. Он летел так низко, что чуть не задел женщину.

— Осторожно, Альтаир, мог и задеть меня! — воскликнула ожившая статуя.

Но орёл лишь громко каркнул в ответ, сделал круг над фонтаном и уселся на ветку старого дуба.

Наташа невольно отступила на шаг назад. Её коленки тряслись от страха.

— Это сон, это просто сон, — шёпотом произнесла она.

— О, ты видишь нас? — обратилась к ней ожившая женщина.

— Кого нас? — дрожащим голосом спросила девочка.

— Статуи, что оживают по всему городу.

Она подошла к девочке ближе и, ласково обняв за плечи, пригласила присесть на лавочку:

— Не бойся, мы не причиним тебе вреда. Просто насла-

ждаемся единственной ночью свободы... Но если ты видишь нас, то, возможно, сможешь нам помочь.

— Чем? — прошептала Наташа, едва шевеля губами.

— Мы устали быть камнем, — вздохнула женщина, и Наташа заметила, как по её коже пробежали мурашки. Она была в таком лёгком платье, и столько тела оставалось совсем неприкрытым, что девочке самой стало холодно. — Каждое полнолуние мы оживаем, но с первыми лучами рассвета вновь застываем на века. Раз уж ты видишь нас, может, ты сможешь найти способ помочь нам вырваться из этого порочного круга?

Девочка достала из рюкзака свитер и протянула женщине:

— Вы, наверное, замёрзли. Вот, наденьте мой свитер.

— Спасибо. И давай на «ты»?

— Хорошо.

— Пойдём, я покажу тебе твой город совершенно с другой стороны, — улыбнулась женщина и протянула руку.

Они двинулись в город. Альтаир взмахнул крыльями и полетел впереди, освещая дорогу мягким сиянием. Вокруг оживали статуи: совы кружили над деревьями, учёные с книгами сидели на лавочках, воины с мечами спокойно гуляли по ночному городу.

— Это только начало, — тихо сказала статуя. — Сегодня ты увидишь то, что обычно скрыто от чужих глаз. И, возможно, именно ты найдёшь способ сделать так, чтобы это волшебство больше не исчезало с рассветом.

Прямо на выходе из парка Пушкин с Онегиным играли в шахматы на лавочке. Они громко шутили, цитируя строки своих же стихов, а рядом с ними сидел учёный рыжий кот. Почему учёный? Так на нём очки были и золотая цепь на шее — не трудно было догадаться. Кот время от времени давал советы, поправляя очки лапой, а Пушкин смеялся и говорил: — Экий мудрец у нас нынче завелся!

Девочка с ожившей статуей пошли дальше. По улице вальяжной походкой ходили большие золотые львы. Их грива переливалась в лунном свете, словно отполированная машина из салона. Они оставляли после себя золотые следы на тротуаре — те не исчезали сразу, а медленно растворялись в воздухе, будто капли жидкого золота. Наташа в панике смотрела по сторонам. У ювелирных магазинов, где ранее стояли эти львы, стойки оказались пустыми. На площади статуи тоже пропали — вернее, не пропали, а ожили. Они шли им навстречу: кто-то беседовал, кто-то любовался звёздами, а одна молодая балерина кружилась в танце, смеясь на всю улицу.

Вскоре кожа Наташи начала покрываться тонким слоем противных мурашек. На улице холодало, и она предложила своей новой знакомой зайти в круглосуточное кафе за какао. Женщина согласилась. Наташа купила ей большой капучино, а себе — горячий шоколад с горсткой маршмеллоу. Они расположились за столиком у окна, откуда открывался вид на парк, где теперь бродили ожившие статуи.

Ожившая статуя, которую, как оказалось, звали Сьюзен (или просто Сью), поведала девочке невероятную историю.

— Каждую ночь во всём городе оживают статуи, — начала Сью. — Я стою в этом городе уже 20 лет, и каждое полнолуние всё повторяется вновь. Сначала я думала, что мне кажется, что я вновь могу шевелиться, и не сходила с пьедестала, но потом поняла: это реальность.

— Подожди, что значит «вновь могу шевелиться»? Ты же статуя, — перебила её Наташа.

— Это не совсем так, — вздохнула Сьюзен. — Раньше я была обычной девушкой, как и ты, и жила в Париже. Но в один вечер всё изменилось. Я познакомилась с мужчиной. Его звали Вивьен. Он был скульптором. Мы полюбили друг друга и даже начали жить вместе. Он делал скульптуры на заказ в Россию, и мы часто приезжали сюда на различные выставки. А потом... — она вдруг замолчала, и Наташа поняла, как ей тяжело вспоминать своё прошлое. Девочка коснулась руки Сью, но та оказалась безумно холодной. Неужели даже горячий кофе не смог её согреть?

Сью сделала глоток капучино и продолжила:

— Вивьен был одержим идеей запечатлеть красоту навсегда. Он хотел создать скульптуры, которые будут не просто каменными изваяниями, а будут частицами его души. Однажды он провёл древний ритуал, который нашёл в старых книгах. Он хотел, чтобы я всегда оставалась такой же молодой и прекрасной, как в тот день, когда мы встретились. Но

что-то пошло не так и магия ритуала обернулась против нас. Вместо вечности я оказалась навсегда заперта в камне. И теперь только полнолуние даёт мне несколько часов свободы.

Наташа слушала, затаив дыхание.

— А другие статуи? — спросила она. — Они тоже когда-то были людьми?

— Увы, но этого я не знаю, — покачала головой Сьюзен. — Возможно это просто творения Вивьена, в которые он вложил часть себя. Или произведения других скульпторов... Одно я знаю точно — мы все зависим от луны. Пока она полная, мы живём. Как только рассвет — снова камень.

А небо уже постепенно начинало светлеть. Ночная мгла уступала своё место белоснежным облакам и первым солнечным лучам.

— Прости, мне пора. Пока не стало слишком поздно, — прошептала Сьюзен и, словно бабочка, упорхнула из кафе.

Наташа честно пыталась догнать её, но, увы, не смогла — та бежала слишком быстро. Оставив попытки, девочка побрела к себе домой. Она рухнула на кровать и начала листать снимки на фотоаппарате. Вот деревья в парке, вот падающие звёзды, вот одинокая лавочка, а вот луна на небе.

— Стоп, а может, она всему виной? — вслух произнесла Наташа. — Ведь Сью говорила, что это происходит каждое полнолуние. А в полнолуние, по поверьям, оживает вся нечисть.

Эта идея казалась ей одновременно безумной и гениаль-

ной. Она рождала сотни новых мыслей и догадок, теорий и новых вопросов. Измученная усталостью и собственными мыслями, Наташа уснула.

Она проспала завтрак и проснулась в районе обеда. Первая мысль — что это был просто дурной сон — радовала, но фотоаппарат со своими безумными снимками разбивал эту идею в пух и прах. Наконец Наташа спустилась на кухню. Мама только закончила варить щи, и их божественный аромат заполнял собой всё вокруг. Пока они обедали, девочка попыталась невзначай начать разговор о городских статуях.

— Мам, а помнишь в парке у фонтана статую женщины с кувшином?

— Конечно, помню. А ты почему спрашиваешь?

— Да так просто... Она так красиво смотрится при свете луны. Вода переливается, отражая звёзды. Ты не знаешь, как она там появилась?

— Да откуда ж мне знать, — пожала плечами мама.

Наташа бросила эти глупые попытки и вернулась в свою комнату. Она долго пересматривала свои снимки и не верила своим глазам. Сю была такой живой, такой красивой... Но неужели ей суждено большую часть своей жизни проживать, облачённой в бездушный камень?

Чтобы хоть как-то отвлечься, Наташа решила прогуляться. Она отправилась в парк. По дороге она внимательно осматривала город. Все статуи были на месте, словно никогда и не оживали. Вот золотые львы, что охраняют вход в

ювелирный магазин, вот Пушкин пишет своё очередное стихотворение. Ни единого намёка, что ещё недавно они жили свою жизнь, словно живые.

Наконец Наташа дошла до парка. На этот раз он был наполнен посетителями. По мощёной дорожке на самокатах и роликах катались дети, в траве резвились собаки, а в воздухе витал аромат ванильного мороженого и варёной кукурузы. Девочка дошла до фонтана. А вот и Сью. Стоит со своим кувшином в этой каменной оболочке, но только в Наташином свитере. Странно, что он не обратился в камень вместе со своей новой хозяйкой. Наташа осторожно коснулась её тела. Оно было холодное, словно лёд.

— Я найду способ помочь тебе, — прошептала она статуе и побрела домой.

Почти целый месяц девочка искала ответы на свои бесчисленные вопросы, изучая историю города. Она пыталась найти продолжение истории, что не успела рассказать Сьюзен, но ничего похожего не нашла. Зато выяснила, что все статуи в городе были сделаны одним скульптором — Вивьеном Беллем. На старости лет он как раз переехал в город, где сейчас жила Наташа.

— Если он смог превратить их в статуи, то, значит, сможет вернуть их к жизни! — воскликнула она, записывая адрес его особняка.

Вскоре девочка уже стояла у дома скульптора. Старый дом уже было практически не видно из-за зарослей травы и ку-

стов колкой малины. Наташа перелезла через забор и начала пробираться сквозь заросли к дому. Малина цеплялась за одежду, путала волосы, будто охраняя здание. Девочка обошла владение со всех сторон и заметила, что одно окно оказалось разбитым. Через него она и пробралась внутрь.

Проход оказался настолько узким, что девочка порезалась — алая капля крови покатилась по ноге, пачкая белоснежные носочки. Но Наташа не свернула назад. Она начала исследовать комнату за комнатой. Пол скрипел с ужасной силой, а огромные слои пыли и паутины вызывали приступы чихания всё чаще и чаще.

Наконец, в одной из многочисленных комнат, Наташа нашла рабочий стол хозяина дома. Она осторожно перебирала бумаги, но все они казались не тем, что ей было нужно: здесь были счета за отопление, свет, телефон, чеки из магазина... Как вдруг она наткнулась на старую тетрадь. Наташа пролистала несколько страниц — все записи оказались на французском. Но среди них был набросок того самого фонтана, пленницей которого стала Сью. В углу рисунка стояла дата — «Paris, 1892». Рядом виднелась короткая приписка: «Mon amour, pour toujours» («Моя любовь, навсегда»).

Наташа почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она запихнула тетрадь в рюкзак и вышла на улицу. В ту ночь как раз должно было быть полнолуние, и девочка была уверена, что Сюзен сможет прочитать эти надписи. Дождавшись сумерек, она вылезла через окно, чтобы родители ни-

чего не узнали, и рванула в парк.

Сью стояла неподвижно, хотя часы уже пробили полночь. Но как только лунный свет коснулся фонтана, женщина ожила. Она расправила плечи, словно скидывая с них тяжёлую ношу последнего месяца, и сошла с пьедестала.

— Я ждала тебя, — тихо сказала Наташа, наблюдая за ней с ближайшей лавочки.

— Ты что-то узнала? — спросила Сьюзен.

— Да. Все скульптуры города — дело рук твоего Вивьена. И вот ещё что, — девочка достала из рюкзака тетрадь, что стащила днём из дома скульптора. — Только я не понимаю ни слова, здесь всё на французском.

Сьюзен взяла у неё тетрадь, и её глаза забегали по строчкам. Она читала, но молча, словно забыв, что кто-то есть рядом.

— Что здесь написано? — с детским нетерпением торопила её Наташа.

— Здесь написано, что все, с кого он создавал свои статуи, оказались навсегда заперты в этих изваяниях. И когда он искал способ их оживить обратно, то случайно привязал их оживление к фазам луны.

— Получается, ты когда-то позировала ему?

— Да, — вздохнула Сьюзен. — Я была его музой, его любовью. Он хотел сохранить мою красоту навечно. Но вместо этого...

— А там написано, как это можно снять?

— Сейчас, — ответила она и зашелестела пожелтевшими страницами. — Вот, кажется, нашла: «Ключ в сердце первой. Она держит кувшин, но не вода в нём, а сила лунного света. Разбить печать заклѣтия можно лишь тому, кто видит истину».

— Что всё это значит? Какую истину нужно увидеть?

— «Ключ в сердце первой. Она держит кувшин...» — повторила Сю, прикусив губу. — Это, видимо, обо мне. «Разбить печать заклѣтия можно лишь тому, кто видит истину...» Это, наверное, о тебе, ведь ты первая, кто видит, как статуи оживают.

Затем Сюзен подошла к своему кувшину и осмотрела его. Обычный кувшин, ничего примечательного. Но когда Наташа взяла его в руки, его дно вдруг засветилось ярко-розовым светом. Там горела надпись светящимися буквами на французском: «Les pigeons portent des lettres, et l'aigle fier les nouvelles»

— Голуби носят письма, а гордый орёл — новости, — перевела Сюзен. — Нам нужно найти белого орла!

Они побежали к гнезду Альтаира, но птицы там не оказалось. Он парил над городом, наслаждаясь долгожданной свободой, оставив в гнезде лишь каменные яйца, что уже никогда не превратятся в птенцов. Наташа осторожно подвинула тяжёлые яйца и на дне гнезда увидела новую надпись: «Quand l'argent de la lune s'entrechoquera avec l'or du feu sur ma tombe, la vérité s'ouvrira» («Когда серебро Луны схлестнётся

в битве с золотом огня на могиле моей, откроется истина»).

— Опять загадки... — вздохнула Наташа, когда Сью перевела надпись на русский. — Где нам посреди ночи найти огонь, золото и серебро?

Как вдруг она услышала грозный львиный рык, и пазл мгновенно сложился. Она отчётливо вспомнила золотые следы львиных лап, что отпечатывались на тротуаре в прошлое полнолуние, но исчезали с первыми лучами солнца. Она рассказала свою догадку Сьюзен.

Женщина решила попробовать, и они отправились на поиски золотых львов. Уговорить животное пойти с ними оказалось задачей со звёздочкой. В отличие от них, лев не владел человеческой речью и поначалу только рычал и скалил зубы. Но вскоре Сьюзен протянула к нему руку, и её ладонь утонула в мягкой шерсти. Лев присел, словно домашний пёс, и выслушал её. Затем они втроём направились на кладбище.

Гулять ночью по кладбищу было жутко. Оно и в дневное-то время не лучшее место для прогулок, а тут — ночь, да ещё и полнолуние! Кругом слышались шаги и шелест травы. Памятники здесь тоже оживали: фигуры ангелов шевелились, поедая конфеты, что оставляли посетители, а на небе стояли кружили чёрные вороны. Коленки Наташи дрожали от страха. Ей хотелось сбежать отсюда, да побыстрее, но она оглядывалась на Сьюзен и отбрасывала эти мысли.

Они обошли всё кладбище несколько раз, но так и не нашли могилы Вивьена.

— Может, мы не там ищем? — наконец тихо спросила она у Сью. — Может, ты ошиблась с переводом?

— Это исключено. Там точно была могила.

Как вдруг золотой лев рванул куда-то с бешеной скоростью. Наташа и Сьюзен побежали за ним. Они едва успевали за этим мощным золотым телом и, наконец, он остановился. Прямо перед ними предстал заросший травой кусок гранита почти с неё ростом. Девочка осветила его своим фонариком: «Здесь покоится великий скульптор Вивьен Белль», — гласила надпись.

— Что там ещё нужно было? — неуверенно спросила она.

— «Когда серебро Луны схлестнётся в битве с золотом огня на могиле моей, откроется истина».

— Отлично. Осталось только найти огонь. Вот только где? — Наташа окинула взглядом окрестности и неожиданно для себя вспомнила уроки ОБЖ в школе.

Она взяла несколько палочек и начала тереть их друг о друга, но ничего не происходило. На ладонях начали появляться болезненные мозоли, но девочка упорно продолжала. Когда звёзды на небе начали постепенно угасать, палочки вдруг стали нагреваться.

— Мы не успеем, Наташа! — в панике воскликнула Сью. — Скоро рассвет!

И в этот момент палочки отбросили искру на землю. Могила загорелась. Но пламя не просто пожирало всё вокруг без разбора — оно складывалось в буквы, а те, в свою оче-

редь, в слова. Девочка начала читать:

Luna plena, lux aeterna,
Of deus tu convertens vivificabis.
Respirare in vitam sine anima lapides,
Quae ad normalis.

Едва Наташа произнесла последнее слово, гранитный памятник скульптору раскололся. По нему, словно кровь, потекла розовая светящаяся жидкость. А живые скульптуры вокруг тоже засветились на пару мгновений этой волшебной розовой аурой.

Наташа перевела взгляд на льва. Он больше не сиял золотом, а стал обычным львом, каких показывают в зоопарках. Он сделал пару шагов назад, словно пробуя вновь управлять своим телом. Девочка обратила внимание, что его следы больше не оставляли золотых отпечатков, как раньше, а стали обычными следами. Мимо пролетел белый орёл. Он казался другим — более живым, чем раньше.

— У нас получилось? — тихо спросила она.

— Возможно. Но точный ответ мы узнаем только с рассветом. А пока, думаю, нам лучше вернуться в парк, — ответила Сюзен.

— Хорошо.

Они шли молча. Наташу не покидала мысль, что она сделала что-то не так. Может, какое-то слово в заклинании про-

изнесла не так, и Сьюзен вот-вот вновь обратится в каменное изваяние? А если на этот раз это будет уже навсегда? Но она тут же переводила взгляд на льва — он ведь изменился, а значит, что-то всё же произошло.

Дойдя до парка, Сью взяла в руки свой кувшин и встала на пьедестал в уже привычную позу. Наташа затаила дыхание в ожидании неизвестно чего. Вскоре тёплые лучи солнца коснулись тела Сьюзен. Они разливались приятным теплом по всему телу, согревая его, и она осознала, что её жизнь больше не зависит от фаз луны. Тогда она отложила кувшин, сошла с пьедестала и обняла Наташу.

— Спасибо. Ты не просто освободила нас. Ты вернула нам душу, — прошептала Сьюзен.

Они попрощались, и Наташа побрела домой. Город постепенно просыпался, наполняя улицы золотистыми лучами и летним теплом. Она шла, вглядываясь в лица прохожих, но никто из горожан не удивился, увидев, что статуи пропали. Теперь львы грелись на солнце у магазинов, лениво потягиваясь время от времени. А совы и орлы летали в небе, словно так и должно было быть — одни кружили над крышами домов, другие садились на фонарные столбы, осматривая город с высоты.

Город наполнился чудом, которое теперь не исчезало с рассветом, а осталось здесь навсегда. Люди невольно улыбались, проходя мимо оживших скульптур: кто-то угощал хлебом сову, устроившуюся на перилах моста, кто-то восхищён-

но рассматривал белых орлов, что парили в небе.

Наташа шла и ловила себя на мысли, что теперь город выглядит таким, каким он должен быть — живым, настоящим, полным волшебства, которое больше не прячется под покровом ночи. На набережной, мимо которой она проходила, играли музыканты, что ещё вчера были неподвижными статуями с музыкальными инструментами, а сегодня они дарят людям свою удивительную музыку. Вдруг один бронзовый скрипач достал из футляра свою скрипку и вся улица зааплодировала в ожидании чуда.

Наташа ещё несколько раз случайно встречала Сьюзен на улицах города. В первый раз та шла по набережной с бумажным стаканчиком кофе в руках, улыбалась и махала ей рукой в знак приветствия. Во второй — они столкнулись у книжного магазина: Сью листала путеводители по Франции и показывала Наташе фотографии родного Парижа.

— Знаешь, — сказала она тогда, — я всё ещё не до конца верю, что это не сон. Что я могу просто идти куда хочу, дышать, чувствовать... Спасибо тебе ещё раз.

— Это тебе спасибо, — улыбнулась Наташа. — Без твоей истории я бы никогда не узнала всего этого.

Позже Сью устроилась на работу в школу учителем французского языка — и это оказалось идеальным выбором. Её родной язык, парижское произношение и глубокое знание культуры мгновенно покорили и коллег, и учеников. На уроках она часто читала стихи на французском, а потом пред-

лагала ученикам перевести их на русский — не дословно, а так, чтобы сохранить настроение. Она учила их видеть красоту в словах, а не в вещах.

В тайне от всех она копила деньги на билет в Париж, мечтала вернуться обратно в родную Францию, но каждый раз, собираясь с духом, задерживалась ещё на пару недель: город затягивал её, давал ощущение дома, которого у неё не было много лет. Иногда по вечерам она приходила к фонтану, садилась на край и смотрела на водные блики, словно вспоминая ту жизнь, что осталась позади.

А Наташа всё-таки поступила на факультет фотоискусства и веб-дизайна. Её портфолио теперь украшал не августовский звездопад, как она мечтала, а фотография фонтана с полуобнажённой женщиной, окутанной светом полной луны. Снимок получился удивительным: вода в фонтане переливалась тысячами сверкающих звёзд, а фигура Сью словно светилась изнутри, храня в себе не просто историю своего создания, а невероятные воспоминания и магию момента.

Спустя полгода после тех событий, Наташа снова пришла к фонтану вечером. Сью сидела босиком на краю и подкармливала орлят Альтаира, что совсем недавно появились на свет.

— Остаёшься? — спросила Наташа, присаживаясь рядом.

— Да, — кивнула Сью. — Париж никуда не денется. А здесь... Здесь мой дом. И мои друзья.

Они улыбнулись друг другу, а над городом загорались

первые звёзды. И хотя августовский звездопад так и остался для Наташи несбывшейся мечтой, она знала: в её жизни теперь есть кое-что куда более волшебное, чем сотни одновременно падающих звёзд.

Любовный экспресс

Одним серым предрассветном утром электричка неторопливо скользила сквозь зимнюю равнину. Время будто застыло в этом полусонном движении: тусклый свет ламп, монотонный стук колёс, дыхание зимы, пробивающееся сквозь щели старых вагонов.

Артём сидел у окна, обнимая рюкзак, и бездумно следил за мелькающими пейзажами — белыми, бесконечными деревьями, ставшими почти нереальными в предрассветной дымке ещё не сошедшего тумана. В вагоне было полупусто — некоторые дремали, сгорбившись в неудобных креслах; кто-то уткнулся в телефон, пытаясь спрятаться от этого раннего утра глупыми переписками.

Вдруг дверь с шипением распахнулась. Вагон моментально наполнился морозным воздухом и парой резных снежинок, что мгновенно растаяли на полу. В вагон вошла она. Девушка в ярко-синем пальто, словно кусочек летнего неба в этом бело-сером мире, и белой вязаной шапке с помпоном. Её яркие, как две янтарные капли глаза, — на мгновение задержались на Артёме и парень слегка улыбнулся. Она будто принесла с собой кусочек солнечного света в этот холодный вагон. Она поправила прядь русых волос, выбившуюся из-под шапки, и села через проход, аккуратно положив на соседнее сиденье небольшую сумку с белоснежной вышивкой.

Артём украдкой наблюдал, как она стянула с себя варежки и стряхнула с них переливающиеся снежинки. Потом её внимание переключилось на книгу — потрёпанную, но явно любимую. Она погрузилась в чтение быстро, иногда, слегка покусывая нижнюю губу, словно предвкушая встречу с давно знакомыми героями. А он разглядывал её профиль: тонкий нос, пушистые ресницы, морозный румянец на щеках. Руки сами потянулись к рюкзаку. Блокнот и карандаш — привычные спутники молчаливых поездок студента художки. Он начал рисовать её портрет. Сначала робко намечая контуры, потом увереннее выводя линии. Вот изгиб шеи, вот складка на пальто, вот едва заметная родинка на щеке.

Карандаш скользил по бумаге, словно пытаясь ухватить не только черты её лица, но и ощущения — тепло её взгляда, лёгкость движений, тишину, которая вдруг стала живой. Артём рисовал так, будто каждая линия была нитью, способной удержать этот миг. Он не стремился к идеальной точности — ему нужно было запечатлеть её образ не столько на бумаге, сколько в своей памяти.

Когда электричка замедлила ход, она поднялась, накинула ремешок сумки на плечо и направилась к выходу. Он закрыл блокнот, прижал его к груди и посмотрел в окно. Снег за стеклом казался уже не серым, а каким-то золотистым, словно в объятиях солнца, которое уже появляется над горизонтом. Девушка шагнула на платформу, и вот уже её яркий силуэт затерялся среди десятков других пассажиров.

Артём остался в вагоне почти один — многие вышли на этой станции. Он вновь открыл блокнот. На странице жил её образ — неидеальный, но такой тёплый. Парень долго смотрел на рисунок, пытаясь угадать, как её зовут.

«Татьяна? Нет, слишком банально. Елена? Не подходит. Мария? Слишком просто».

И вдруг — озарение, будто кто-то шепнул ему на ухо: «Маргарита».

Это имя словно было создано для неё. Такое же изящное, утончённое, как этот маленький цветок с алыми лепестками и золотой сердцевинкой. Он улыбнулся, закрыл блокнот и снова уставился в окно. Электричка набирала ход, унося его всё дальше, а в его памяти навсегда остался её образ — и имя, которое он придумал для неё сам.

Вечером, возвращаясь домой, в той же электричке, Артём вновь достал блокнот, открыл чистую страницу и начал новый рисунок. На этот раз он изображал не её лицо, а полупустую электричку, окно, за которым мелькали заснеженные деревья, и два силуэта — его и её — разделённые проходом, но соединённые невидимой золотой нитью мгновения, которое уже никогда не повторится.

Спустя несколько лет, когда Артём закончил учёбу, он организовал небольшую выставку под названием «Эскиз к счастью». На светло-бежевых стенах, в багетных рамах с переливами золота висели десятки работ — эскизы, наброски, законченные полотна, — вдохновлённые той самой встречей

в электричке. Здесь были и пейзажи за окном вагона в разное время года, и абстрактные композиции с переливами золотого и синего цвета, напоминая то ли мерцание огней за стеклом, то ли звёзды на ночном небосводе. Так же были и силуэты, едва угадывающиеся в игре света и тени. Но самого главного — того первого портрета, созданного в спешке, пока она ещё находилась в вагоне, — на выставке не было. Артём хранил его в том самом блокноте и никому не показывал. Был уверен, что никто не поймёт.

На открытии собралось немного людей — в основном знакомые, коллеги, пара искусствоведов из местных галерей и с десяток любопытных прохожих. Но Артёму этого было достаточно. Главное — его работы заметили, их обсуждали, над ними задумывались. Он медленно прогуливался по залу, прислушиваясь к шёпоту посетителей.

У одной из картин — той, где в окне электрички виднелись два силуэта, соединённые тонкой золотой нитью, — стояла девушка. Она вглядывалась в нарисованное, словно пыталась разглядеть какой-то скрытый смысл.

— Простите, а вы сами придумали образ этой девушки? — спросила она, всё ещё сомневаясь в тактичности вопроса.

Артём задумался. Как объяснить то, что жило в его сердце столько лет? Да и стоит ли?

— Не совсем придумал... — произнёс он медленно, подбирая слова, словно шагал по тонкому льду. — А вы с какой целью интересуетесь?

Девушка улыбнулась. И в этой улыбке было что-то до боли знакомое, но вот что...

— Знаете, она очень похожа на мою сестру — Маргариту. Даже не похожа... Это словно её портрет, только увиденный сквозь призму чьих-то воспоминаний или, быть может, фантазий...

— Как вы сказали? Маргариту? — перебил он, не скрывая удивления. Сердце вдруг застучало чаще, а в ушах зазвенел отдалённый стук колёс — будто электричка вновь тронулась с места.

— Да. Мою сестру зовут Маргарита. Она не смогла сегодня прийти со мной, хотя очень хотела. Она вообще очень любит искусство. И эта выставка была её идеей. Мы часто вместе ходим на выставки, в музеи, театры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.